

Проф. Т. Штольц (Германия) в течение ряда лет (1995–2002) возглавлял типологический проект Бременского университета «Энциклопедия комитатива и инструменталиса», в котором приняли участие в общей сложности более двадцати ученых. Главной задачей проекта являлось изучение связей между комитативом и инструменталисом в языках мира. Рецензируемая монография («О комитативах и смежных категориях: Типологическое исследование с особым вниманием к языкам Европы») подводит итог этой более чем десятилетней работы. В монографию вошла, в более или менее развернутом виде, большая часть ранее опубликованных материалов, предваренная почти 100-страничным введением, в котором впервые столь подробно рассмотрены многие важнейшие понятия и методологические вопросы.

Помимо общего описания грамматики и семантики комитатива, авторы ставили перед собой следующие задачи:

а) Проверить влияние генеалогических, ареальных и типологических параметров на структурные и поведенческие особенности комитатива.

б) Изучить взаимодействие комитатива с другими категориями, в особенности с инструменталисом, и объяснить факторы, влияющие на схемы синкретизма категорий. Подробно изучена диахрония отношений комитатива с инструменталисом, соотношения между ними по маркированности, соотношения между их отрицательными коррелятами.

с) Подробно изучить комитатив в Европе (что имеет особую значимость, поскольку именно на материале комитатива в европейских языках были в свое время сделаны весьма категоричные выводы универсального характера).

На протяжении многолетних исследований Т. Штольца и его коллег разные аспекты комитатива были изучены на нескольких языковых выборках объемом от 100 до 320 языков мира. Отдельное сопоставительное исследование 65 европейских языков проводилось на материале специально созданного корпуса параллельных текстов, составленного из оригинала и переводов «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери.

Монография состоит из четырех частей. Первая, вводная часть (§ 1–7) содержит подробное обсуждение базовых понятий и методологических оснований работы. Во второй части (§ 8–10) исследуются возможности синкретизма, т.е. грамматического маркирования

комитатива и ряда других категорий одним и тем же формальным показателем. Третья часть (§ 11–12) посвящена комитативу в языках Европы. В четвертой части (§ 13–15) обсуждается диахрония изучаемых категорий. В приложениях приводятся перечни языков, вошедших в выборки, генетическая принадлежность упоминаемых в монографии языков, образец вопросника, использовавшегося на начальных этапах работы. Книга снабжена указателем языков, а также именным и предметным указателем.

Часть первая. Для Штольца комитатив – семантически наполненная категория, ядро которой составляет отношение сопровождения. Это межпартиципантное отношение (термин К. Лемана) связывает двух участников ситуации, описываемой в высказывании: Сопровождаемого (далее «Сопр.») и Спутника, причем таких, которые имеют в ситуации одинаковые роли (с. 2). Ситуация сопровождения задается прототипической моделью. Помимо двух участников, важнейшим ее элементом является маркер отношения (*relator*); кроме трех перечисленных составляющих, для описания ситуации сопровождения обычно существенны и некоторые другие, в частности ядерный предикат (*nuclear predicate*). В прототипическом случае Сопровождаемый является более заметным (*prominent*) участником и более непосредственно вовлечен в ситуацию, описываемую в высказывании. Спутник является менее заметным и участвует в ситуации только опосредованно, в силу своей связи с Сопровождаемым. Прототипический ядерный предикат является глаголом движения, а Сопр. и Спутник имеют признак [+человек]. Сопр. и Спутник могут быть выражены именами, местоимениями или согласовательными показателями, и могут выражаться разрывно в нескольких позициях (с. 26).

От описанного прототипа встречается большое количество разного рода отклонений. Не всегда все три элемента выражены поверхностно; наоборот, и участники, и маркер могут быть выражены в пределах одного высказывания более одного раза; два или все три элемента могут быть выражены в одном слове; маркером отношения могут служить единицы разных морфологических классов, обладающие разной дистрибуцией; варьируется линейный порядок и синтаксическая структура. В монографии рассматриваются только те случаи, когда (i) Сопр., Спутник и маркер отношения имеют поверхностное выражение, (ii) отсут-

ствуется семантическая инкорпорация одного из элементов в значение прочих элементов высказывания; (iii) маркер отношения является служебной морфемой.

Отношение сопровождения может выражаться в различных синтаксических контекстах. Прежде всего, участники отношения (Сопр. и Спутник) жестко не связаны с синтаксическими позициями (подлежащего, дополнения и т.п.). Далес, ИГ-Спутник может быть не только сирконстантом, но и актантом ядерного предиката – как симметричного (*подружиться с кем-л.*), так и несимметричного; например, в малаккском креоле комитативный показатель *ku* (< португ. *com*) может маркировать объект. Наконец, если в типичном случае ИГ, соответствующие двум участникам, подчинены глаголу, существует значительный класс примененных употреблений, в которых ИГ-Спутник является определением к ИГ-сопровождаемому (ср. *der Mann mit der Glatze* ‘лысый мужчина’, букв. ‘мужчина с лысиной’). В таких случаях Штольц говорит об отношениях внутри партиципанта (*interparticipant relations*). Бывают и употребления, где ИГ-спутник модифицирует не обычную, а притяжательную форму имени (ср. рус. *Мы подошли к нашему с Машей дому*).

Семантические различия внутри комитативной зоны также очень значительны. Т. Штольц выделяет четырнадцать (!) подтипов отношений, выражаемых в современном немецком языке предлогом *mit* ‘с’ (с. 41–43). Некоторые из этих отношений ближе к прототипическому отношению сопровождения, другие – к типичной инструментальной ситуации; комитатив и инструменталис выступают как два полюса этой шкалы. Отмечается, что приведенный инвентарь – не самый подробный и может быть далее детализирован. Различение выделенных отношений и их дальнейшее дробление мотивируется тем, что комитативные маркеры в разных языках не совпадают по сфере своих употреблений: во многих языках различаются инструменталис и комитатив; часто граница проходит между приглагольными и примененными употреблениями, и т.д. Пересекающиеся по значению маркеры в одном и том же языке могут также существенно различаться набором функций: так, в немецком показатели *zusammen mit*, *samt*, *nebst* ‘вместе с’ и др. имеют более узкие и специализированные спектры функций, чем универсальный *mit*. Особый интерес представляют те языки, в которых существует больше одного маркера для ситуаций, близких к прототипу. Так, в эвенском четыре комитативных маркера имеют разные предпочтения по одушевленности спутника. В папуасском языке таирора комитатив маркируется по-разному в зависимости от чис-

ла спутника (ед. или мн.). В юто-ацтекском языке луисеньо сообщается о троичной оппозиции, где наряду с нейтральным комитативным маркером имеются особые показатели для стативных vs. динамических ситуаций. Разделение может также проходить по признаку отчуждаемости/неотчуждаемости, степени контроля, макророли (Актор или Претерпсвующий) и др. (с. 56–60). Аналогично дробятся и инструментальные функции.

Часть вторая. В § 8 подвергается критическому анализу тезис, выдвинутый в свое время во влиятельной работе [Lakoff, Johnson 1980]: «За небольшим числом исключений, во всех языках мира соблюдается следующий принцип: слово или грамматическое средство, обозначающее СОПРОВОЖДЕНИЕ, также выражает ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТЬ». Эта предположительная универсалия, которую Лакофф и Джонсон объясняли влиянием метафорической схемы «Инструмент – это Спутник», оставила свой след во многих последующих работах, часто принимаясь на веру. Между тем, серьезной проверки на широком языковом материале она не выдерживает. Как показывает Штольц на выборке из 323 языков со всех континентов, только 24% языков маркируют комитатив (= КОМ) и инструменталис (= ИНС) одинаково («тип В» по Штольцу), еще в 11% сосуществуют синкретичные и несинкретичные показатели («тип С»): напр., в венгерском наряду с синкретичным показателем *-val/-vel* (КОМ/ИНС) имеется так наз. социатив на *-stul/-stül*, выражающий только КОМ. В большей же части языков (65%) КОМ и ИНС всегда различаются («тип А»). Таким образом, «универсалия» Лакоффа–Джонсона в ее первоначальном виде оказывается совершенно несостоятельной. Еще один нетривиальный результат состоит в том, что статистические тенденции для языков Европы отличны от общемировых – здесь выше всего доля языков типа В (49%) и ниже всего доля языков типа А (31%). Выясняется, что синкретизм комитатива и инструменталиса – типично европейская черта (см. часть третью), особенно характерная для языков индоевропейской семьи.

В § 9 исследуются корреляции КОМ и ИНС с другими категориями: агентивностью (включающей эргатив, каузатив и агенс в пассиве), сочинением, локативными отношениями, предикативным обладанием и др. Основной вывод состоит в том, что две центральные категории обладают различными предпочтениями в отношениях с третьими категориями; например, КОМ склонен к синкретизму с сочинением и поссессиивностью, а ИНС – с агентивностью и локативом. Отмечается, что совпадение КОМ и ИНС делает гораздо более вероятным

«перекрестный» синкретизм – например, маркеры ИНС и сочинения совпадают только в том случае, когда и КОМ выражается так же (играя роль «моста»). При этом комитатив никогда не бывает синкретичен с эргативом, хотя по отдельности синкретизм КОМ = ИНС и ИНС = ЭРГ встречаются во многих языках.

В качестве объяснительного механизма Штольц предлагает отказаться от рассмотрения взаимодействия категорий как неделимых сущностей и искать мотивацию синкретизма во взаимодействии отдельных семантических признаков. Так, КОМ и сочинение объединяет равенство статусов участников (признак «Одинаковы»); КОМ и обладание – признак «Группы»; ИНС и КОМ – признак «Контроля» (Сопровождаемого над Спутником и Пользователя над Инструментом).

Параграф 10 посвящен вопросам соотношений ИНС и КОМ в системе языка. С одной стороны, их часто объединяет общий отрицательный коррелят ('без'): если синкретичны утвердительные формы КОМ и ИНС, то отрицательные тоже не различаются. С другой стороны, показано, что комитатив в целом является более маркированной категорией из двух, а инструменталис – менее маркированной и более грамматикализованной. Комитативные маркеры в среднем превосходят инструментальные по числу слогов и по числу сегментов; маркер КОМ может быть синхронно производным от маркера ИНС (т.е. более сложным), но не наоборот; если КОМ выражается связанной морфемой (аффиксом), то и ИНС тоже, но обратное неверно; наконец, нулевое выражение может иметь только инструменталис.

В третьей части на материале корпуса параллельных текстов исследуются комитатив и инструменталис в языках Европы. В рамках этой задачи разработана процедура построения количественной меры близости языков. Основные выводы этого богатого фактическим материалом и статистическими таблицами раздела таковы. Сходство между языками в употреблении КОМ/ИНС достигает максимума в контекстах, наиболее близких к прототипическим, а именно при наличии отношений собственно Сопровождения, Инструмента, Орнатива (т.е. временного свойства; напр., «Она вернулась с заплаканными глазами»). При выражении непрототипических отношений на степень сходства в большей степени влияют генетические и ареальные факторы. Кроме того, грамматические и стилистические правила отдельных языков в индивидуальных случаях дают непредсказуемые результаты. Языки всех трех типов последовательны в использовании одного из доступных показателей в про-

тотипических функциях. Различия возникают при сравнении границ употребления маркеров в языках типа А и типа С; при этом обнаруживается значительная корреляция с генетической принадлежностью языка. В целом прослеживается тенденция к постепенному изменению свойств языков при движении с юга на север и с запада на восток. Параграф 12 посвящен детальным «портретам» трех языков – мальтийского арабского (тип А), латышского (тип В) и исландского (тип С). Интересная черта, присущая всем трем (и при этом достаточно редкая в Европе) – различие ориентации на Сопровождаемого (*Пусть он идет со мной!* – маркируется Спутник) vs. ориентации на Спутника (*Мы возьмем бабушку с собой?* – маркируется Сопр.) при помощи разных показателей.

В четвертой части авторы обращаются к динамическому измерению комитатива. Рассматриваются источники грамматикализации комитатива, которые условно располагаются в пространстве, образованном четырьмя концептами: обозначение группы ('компания'), обозначение тождества ('один'), социальной близости ('друг') и пространственной близости ('в одном месте', 'около'). Считается, что комитативное значение может служить основой для развития у показателя инструментальной функции, но не наоборот – т.е. что этот путь грамматикализации является односторонним. С другой стороны, материал различных языков, в том числе славянских, балтийских и финно-угорских дает возможность предполагать наличие более или менее регулярного механизма циклических изменений, приводящих к смене языкового типа: от типа А к типу В и обратно, каждый раз через промежуточную стадию типа С (в более ранней работе [Stolz 1996] эти циклические изменения назывались «кругом маркированности»). Причина в том, что маркер комитатива периодически подвергается обновлению, начинающемуся с факультативного усиления, напр. адвербиалом со значением 'вместе'. Обновленный маркер комитатива имеет тенденцию расширять сферу своего употребления на инструментальные контексты; таким образом, уже ИНС получает вариант оформления, совпадающий с комитативом (тип С). Затем этот вариант становится обязательным, вытесняя прежний маркер ИНС (тип В). После чего комитатив снова получает факультативное усиление (тип С), которое становится обязательным (тип А) и, возможно, в свою очередь расширяется на инструментальные контексты (тип В).

В § 14 речь идет о возможных типах изменений в ситуации языкового контакта. В частности, авторы приходят к выводу о контактной

природе изменений в европейских языках, в результате которых многие языки перешли в тип В, т.е. получили синкретичные средства выражения комитатива и инструменталиса. В § 15 подводятся итоги и очерчивается круг перспективных вопросов для дальнейших изысканий, таких как комитативные отношения между предикациями.

Монография является образцом чрезвычайно подробного и добросовестного исследования. Стоит отметить малое количество опечаток и высокую степень надежности приводимых данных. Большие усилия направлены на то, чтобы облегчить читателю ориентацию в материале; так, к каждому примеру дается указание иллюстрируемой им функции. В некоторых местах изложение можно даже считать слишком подробным; вероятно, статистические данные в ряде случаев можно было бы подать более компактно. Не вполне удачны мнемонические обозначения, согласно которым различаются термины «комитатив», «Комитатив», «КОМИГАТИВ» и «**Комитатив**», что подчас вызывает у читателя ощущения, сходные с ощущениями решателя задач лингвистической олимпиады. Одно из положений кон-

цепции Штольца, которое можно отнести к дискуссионным, – определение комитатива через асимметричное отношение сопровождения (см. альтернативный подход в [Архипов 2005]). Несмотря на это, рецензируемая монография является важнейшим этапом в изучении не только комитатива и инструменталиса, но и типологии предикации в целом, и безусловно заслуживает самого пристального внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов 2005 – *А.В. Архипов*. Типология комитативных конструкций. Часть I. Определение и формальная типология // ВЯ. 2005. № 4.
- Lakoff, Johnson 1980 – *G. Lakoff, M. Johnson*. Metaphors we live by. Chicago; London, 1980.
- Stolz 1996 – *T. Stolz*. Komitativ-Typologie: MIT- und OHNE-Relationen im crosslinguistischen Überblick // *Papire zur Linguistik*. Bd. 54. № 1. 1996.

А.В. Архипов